

—

Во второй половине дня, по дороге обратно в поместье князя Ли, Сяо Шань ясно почувствовал, что настроение Се Чжуня немного подавлено. На самом деле, выражение лица Се Чжуня было таким же, как обычно, и он ничуть не выдал своих эмоций, но у него просто было такое ощущение.

Сяо Шань молча попытался найти причину: это потому, что он проспал из-за выпивки? Или разговор с Се Чэнем прошёл не гладко? Или его эмоции были затронуты чем-то ещё?

По логике, с характером Се Чжуня, ничто из этого не должно было повлиять на его настроение. Поразмыслив, Сяо Шань так и не пришёл ни к какому выводу.

Он всегда был откровенен, не любил держать мысли в себе и гадать, поэтому отбросил эти идеи и прямо спросил: «Настроение плохое?»

Се Чжунь, уставившись на курильницу в карете, задумался. Услышав вопрос, он поднял взгляд, опешил, а затем быстро сказал: «Нет».

Так значит, всё-таки есть.

Сяо Шань, подперев левую щеку рукой, протянул: «Расскажи, может, я смогу тебе помочь».

Се Чжунь: «...»

Эта необъяснимая мысль, возникшая из ниоткуда, теперь, когда он столкнулся с человеком перед собой, как он мог её произнести?

Сяо Шань был умён, и если он ничего не скажет, это тоже будет нехорошо.

Подумав, Се Чжунь отвёл взгляд и со вздохом сказал: «Я просто беспокоюсь, что старший брат не приспособится к столичной жизни».

Сяо Шань никак не мог предположить, что причина кроется в нём самом, поэтому, услышав это, сразу поверил. Он проанализировал текущую ситуацию и посчитал, что беспокойство Се Чжуня имеет смысл.

По сравнению со столицей, на границе не так много людей, которые любят витиевато говорить.

Столица - пышный цветок, граница - пустынная и горькая.

Жизнь в столице была спокойной, а на границе - напряжённой и полной сурового духа.

Глаза Се Чэня не видят, но он не может всю жизнь не выходить из дома, поэтому беспокойство Се Чжуня о нём вполне естественно.

Поэтому Сяо Шань утешил его, сказав: «Тебе не стоит слишком сильно беспокоиться. В обычные дни за старшим братом присматривают слуги, а поместье князя Ли находится недалеко от поместья Се, так что ты быстро сможешь прийти в случае чего».

«Если ты очень беспокоишься, то проверь всех людей рядом со старшим братом, убедись, что их руки не слишком длинны и что у них нет скрытых мыслей».

Увидев такое его отношение, Се Чжунь почему-то вдруг рассмеялся, и уныние в его душе мгновенно исчезло.

Сяо Шань, увидев, что его утешения так сильно подействовали, тоже обрадовался и с нажимом сказал: «В общем, вы с братом будьте спокойны. Пока мы сами не лезем на рожон, того, кто на нас нарвётся, нам бояться нечего. А если возникнет проблема, с которой мы, я, князь Ли, и ты, Ван Цзюнь Ли, не справимся, то у нас ещё есть отец-император».

Се Чжунь кивнул в знак согласия.

А в это время наложница Лань в императорском дворце плакала у императрицы.

Наложница Лань плакала не из-за чего-то другого, а именно из-за того, что Се Чжуня и Цзо Ли выставили на всеобщее обозрение.

Наложница Лань рыдала так горько, что императрица несколько раз пыталась её утешить, но безуспешно, и ей оставалось только позволить ей продолжать плакать.

Наложница Лань, плача, схватилась за сердце и задыхалась: «Императрица, я не хочу плакать, но я просто не могу сдержаться...»

Императрица вздохнула про себя, она действительно не могла сдержаться, но она всё равно должна была её уговаривать, поэтому императрица сказала: «Не плачь из-за каждой мелочи. Императорский лекарь Су когда-то сказал, что если ты будешь плакать так долго, твои глаза не выдержат».

Наложница Лань, услышав это, вздохнула и на мгновение сдержала слёзы, затем покачала головой и сказала: «Я тоже не хочу, но как только я вспоминаю, что Шань-эр женился на этом

бедствии Се Чжуню, моё сердце невольно наполняется печалью».

Императрица: «...»

Как Се Чжуню снова стал бедствием?

Наложница Лань, всхлипывая, рассказала императрице о том, что произошло сегодня, а затем сказала: «Сейчас об этом болтают во дворце и за его пределами. Все говорят, что Се Чжуню имеет неясные отношения с теми, кто вернулся с Северного региона. Я слышала эти слова, и мне стало тяжело на душе».

Императрица, услышав это, холодно сказала: «Когда это во дворце кто-то осмеливался говорить такие глупости?»

Наложница Лань с недовольным видом сказала: «С тех пор как Шань-эр и Се Чжуню поженились, кто во дворце не говорил об этом за спиной?»

Императрица схватилась за подлокотник стула, глубоко вздохнула и только потом сказала: «Даже если кто-то и говорит за спиной, это не дойдёт до твоих ушей. Как же ты так случайно услышала?»

Наложница Лань: «Я гуляла в Императорском саду и случайно услышала, как две дворцовые служанки шептались. Если бы не услышала, ваша покорная слуга так бы и не узнала, что снаружи произошло такое крупное событие».

Императрица: «...» Какое там «случайно услышала», кто-то явно специально дал ей это услышать.

Тот, кто это затеял, знал характер наложницы Лань и ясно понимал, что она не одобряет Се Чжуню, и намеренно вбивал шипы ей в сердце.

Судя по нынешнему состоянию наложницы Лань, эти шипы действительно были вбиты.

Императрица поспешно спросила: «Ты их оставила?»

Наложница Лань покачала головой, с видом «будь что будет»: «Что мне с ними делать, с этими двумя маленькими дворцовыми служанками? Всё равно это Се Чжуню виноват».

Императрица терпеливо сказала: «Что именно произошло, ты узнаешь, если позовешь Сяо Шаня и Се Чжуню во дворец и расспросишь их. Если ты поверишь в эти глупости, разве это не повредит вашей с сыном привязанности?»

Наложница Лань выглядела несчастной и грустной: «Я тоже не хочу портить наши материнско-сыновние отношения, но вы просите меня притворяться, что я ничего не знаю, закрыть глаза, а я просто не могу этого сделать. Теперь, когда я думаю о том, сколько раз над Шань-эром тайком издевались и насмехались, я жалею, что не помешала, когда император даровал брак».

Императрица сказала: «Теперь дело сделано, и твои слова бесполезны. Вместо того чтобы здесь злиться, лучше подумай о тех двух дворцовых служанках. Я столько лет управляю шестью дворцами, и ещё никто не осмеливался так сеять смуту во дворце».

Наложница Лань иногда очень хорошо слушала слова императрицы, а иногда совсем ничего не слышала.

Особенно сейчас, когда она заиклилась на своей проблеме, слова императрицы заставили её почувствовать, что императрица совершенно не учитывает её точку зрения. В глазах императрицы и других, насмешки над Сяо Шанем, казалось, вообще не существовали.

Сердце наложницы Лань заболело, и она с недовольным видом сказала: «Это недобродетельный супруг, которого взял себе Шань-эр, и только я одна скорблю за него, боль не ляжет на других, поэтому другие, естественно, могут не обращать внимания. В любом случае, осмеивают только меня и Шань-эра».

Слова императрицы разозлили её, и в глазах наложницы Лань вспыхнул гнев. Наложница Лань встала с унылым видом: «Императрица, считайте, что я сегодня пришла и наболтала глупостей, императрица не должна обращать на меня внимания. Ваша покорная слуга чувствует себя неважно и удаляется».

Сказав это, она поклонилась императрице и просто ушла.

Императрица долго смотрела ей вслед, не в силах вымолвить ни слова. Напуганная служанка Баочжу поспешно стала её успокаивать, другая служанка спешила подать чай, а кто-то кричал, что императрица рассердилась, и надо принести лекарство...

В зале воцарилась суматоха.

После того как императрица приняла лекарство и выпила чай, и гнев в её груди утих, она холодно сказала: «Проверьте, кто в гареме любит болтать и заниматься грязными делами. Я давно не наводила порядок во внутреннем дворце, неужели вы думаете, что я умерла?»

Дворцовые слуги, естественно, не осмеливались отвечать.

После того как приказы были отданы один за другим, императрица приказала всем удалиться, а сама откинулась на кушетке, размышляя о жизни.

Группа дворцовых слуг бесшумно удалилась, не смея издать ни звука, чтобы не раздражать императрицу.

Одна из дворцовых служанок, недавно повышенная до служения во внутренних покоях, невольно пробормотала про себя, что это только благодаря кровному родству императрица так терпима к наложнице Лань.

Если бы сегодня это случилось с кем-то другим, даже если бы это была любимая наложница императора, императрица не показала бы ей и тени лица.

Однако эта мысль лишь пронеслась в её голове и была снова глубоко запрятана в сердце. Никто из тех, кто достиг нынешнего положения, не был дураком. Что говорить, а что нет, они знали лучше всего.

В дела между императрицей и наложницей Лань им нечего было вмешиваться.

Наложница Лань, выходя из дворца императрицы, всё ещё была очень рассержена, но, вернувшись во дворец Цзинлань, она почувствовала, что её слова в адрес императрицы были несколько чрезмерными.

Наложница Лань, схватив руку Цуй Шу, с беспокойством сказала: «Цуй Шу, не слишком ли я была резка?»

Цуй Шу про себя подумала: «Не просто слишком, а очень сильно».

Однако на лице её было обычное выражение, она улыбнулась и успокаивающе сказала: «Госпожа прямолинейна, и императрица знает это лучше всех. Госпожа говорила прямо, но императрица определённо не рассердится из-за этого».

Наложница Лань, услышав это, немного успокоилась. Она отпустила руку Цуй Шу, села и сказала: «Я тоже не хотела так говорить, но как мать я просто не могу не беспокоиться за Шань-эра. Шань-эр — сын императора, после совершеннолетия император даровал ему титул князя. То, что он женился на Се Чжуне в качестве главного супруга, уже достаточно меня огорчило, а теперь его ещё и этот Се Чжуй втянул в такую ситуацию. Скажи мне, как я могу не злиться?»

Думая, что будут говорить за спиной о Се Чжуне, наложница Лань чувствовала, что позор ляжет на всю Великую Чжоу.

«Нет, так это оставить нельзя», — сказала наложница Лань, хмуря красивые брови.

Цуй Шу поспешно сказала: «Госпожа права, те, кто намеренно распространяет такие слова во дворце, очень коварны, и чем раньше мы найдём таких злонамеренных людей, тем лучше».

Наложница Лань сказала: «Ты тоже отчасти права, но источник всё равно в Се Чжуге. Мне нужно придумать способ поговорить об этом с императором».

Цуй Шу пошевелила губами, желая что-то сказать, но, увидев настойчивое выражение лица наложницы Лань, проглотила свои слова.

Сяо Шань и Се Чжуй, находясь за пределами дворца, естественно, не знали, что там произошло такое событие.

В ту ночь они вместе хорошо выспались.

На следующий день Сяо Шань отправился на утренний суд. Он встал, потягиваясь и зевая, не разбудив Се Чжуй.

На суде он изо всех сил старался держать глаза открытыми, чтобы не заснуть стоя.

Он думал, что после суда сможет, как обычно, вернуться в княжеское поместье и отоспаться, но на этот раз ему не удалось уйти. Чан Лэ остановил его, сказав, что император ждёт его во дворце Цяньмин.

У Сяо Шаня заболела голова, как только он услышал, что император его ждёт. Он постоянно чувствовал, что его будут бить. У него была тень от дворца Цяньмин. В детстве император всегда любил вызывать его во дворец Цяньмин, чтобы испытать.

Каждый раз он не проходил испытание, и слова императора о его «глупости» распространялись именно из дворца Цяньмин.

Сяо Шань стоял там, медлил и не хотел идти, по пути постоянно подмигивая Сяо Цзиню, чтобы тот пошёл с ним.

Чан Лэ стоял там с улыбкой на лице, ожидая.

Сяо Цзинь, видя озабоченное выражение лица Сяо Шаня, подошёл и сказал: «Евнух Чан, я и третий брат пойдем вместе. У меня как раз есть дело, о котором я хочу поговорить с отцом-императором».

Чан Лэ рассмеялся: «Ваше Высочество наследный принц, император сегодня, боюсь, не сможет принять Вас. Император специально выделил время, чтобы поговорить с князем Ли. Если у Вас есть срочное дело, Ваш покорный слуга может доложить».

«О, вот как». Сяо Цзинь запнулся и сказал: «Ничего срочного, я приду навестить отца-императора в следующий раз». Сказав это, он бросил на Сяо Шаня взгляд, полный бессилия.

Сяо Шань: «...»

В этот момент подошел Сяо Жун. Он посмотрел на Сяо Шаня взглядом старшего брата, который должен заботиться о младшем, и с нравоучительным видом сказал: «Третий брат, ты уже такой большой, тебе следует поменьше доставлять отцу-императору хлопот. То, что произошло вчера на улице, не должно повториться в будущем, это слишком сильно портит образ».

Сяо Шань взглянул на него и медленно сказал: «Старший брат, о чём ты говоришь? Что произошло вчера, я и не знаю. Может, ты сейчас расскажешь мне?»

Сяо Цзинь тоже подхватил: «Именно, старший брат. Я во дворце тоже не слышал, чтобы третий брат совершил что-то, что вызвало бы гнев небес и людей. Если старший брат знает подробности, то ему следует больше наставлять третьего брата».

Сяо Жун, видя, как они двое притворяются сумасшедшими, холодно усмехнулся: «Что я могу знать? Я только знаю, что кто-то слишком опозорился. Раз третий брат не в курсе, значит, я зря болтал».

Сказав это, Сяо Жун отмахнулся и ушёл.

Сяо Шань пробормотал: «Старший брат уходит без предупреждения, бросает разговор на полпути и не договаривает, оставляя слушателей в неведении. Не знаю, что это за привычка».

Сяо Цзинь: «...»

Чан Лэ всё ещё улыбался и сказал: «Ваше Высочество, быстрее идите, не заставляйте Его Величество ждать».

Сяо Шань ничего не мог поделать, ему оставалось только идти во дворец.

Сяо Цзинь, глядя ему вслед, беспомощно покачал головой. Он хотел помочь, но не мог, поэтому ему оставалось только вернуться в Восточный дворец и ждать новостей.

Сяо Шань прибыл во дворец Цяньмин, и Сяо Шэн, увидев его опущенные плечи и безжизненный вид, рассердился.

Сяо Шань, увидев, как его взгляд обострился, поспешно выпрямился, расправил плечи и талию: «Отец-император, по какому делу вы меня искали?»

«Что, я не могу тебя искать, если нет дела?» — ехидно сказал Сяо Шэн.

Сяо Шань: «Ваш покорный сын не хочет, чтобы вы злились, увидев его».

Сяо Шэн холодно хмыкнул: «Ты сам себя хорошо знаешь».

Сяо Шань замолчал.

Сяо Шэн закрыл глаза и сказал: «Вчера твоя мать-наложница заговорила со мной о том, что тебе следует завести младшую наложницу. Что ты думаешь об этом?»

Сяо Шань: «А?»

—

<http://bllate.org/book/14491/1282512>